

УДК 161.2 + 17.034.3

А. Г. Кислов

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ФРАНЦУ БРЕНТАНО ИЗ ЛАБИРИНТОВ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

В статье обсуждаются философские основания современных систем деонтической логики, выходящей из кризиса «старого модализма». Рассматриваются связанные с этим положения работы Ф. Brentano «О происхождении нравственного познания»: параллелизм логики и этики, феномен предпочтения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деонтическая логика, логика норм, модальная логика, принцип Юма, дилемма Йоргенсена, познание нравственного, параллелизм логики и этики, феномен предпочтения.

О, если бы ревностные правоведаы избавились наконец от своего презрения к философии и поняли, что без философии большая часть их вопросов — это лабиринт без выхода!

*Г. В. Лейбниц. Особые трудности права
(Specimen difficultatis in jure, 1664) [24]*

Лабиринты деонтической логики

Деонтической логикой традиционно называют формальную систему, в которой вырабатываются средства выражения деонтических предикатов «*обязательно*», «*разрешено*» и «*запрещено*», причем именно логический анализ действий (или результатов действий) и норм обычно играет ключевую роль.

Первые концепции деонтической логики в этом смысле были развиты довольно рано:

— уже Диоген Лаэртский в перечне работ Хрисиппа Солского указывает на не дошедший до нас трактат «О повелениях» в двух книгах (VII 191) [7, 327];

— в трактатах «*Метафизика*», «*Первая аналитика*», «*Тофика*» и «*Никомахова этика*» Аристотель делает замечания о *практическом рассуждении*, призванном руководить человеческим действием, и приводит примеры практических силлогизмов со смешанными деонтическими и ассерторическими посылками: «Одно мнение [т. е. посылка] касается общего, другое — частного, где, как известно, решает чувство. Когда же из этих двух [посылок] сложилось одно [мнение], то при [теоретической посылке] необходимо, чтобы душа высказала заключение, а при [посылках], связанных с действием (*poiētikai*), — чтобы тут же осуществила его в поступке. Например, если “надо отведывать все сладкое”, а вот это — как один какой-то из частных [случаев] — сладкое, то, имея возможность и не имея препятствий, необходимо тотчас осуществлять соответствующий поступок» (EN 1147a25–35) [1, т. 4, 197];

— по крайней мере, начиная с XIV столетия можно наблюдать как некоторые средневековые мыслители (прежде всего Петр Испанец) полагали, что раздел исследования нормативных понятий в формальной логике возможен, и

давали формулировки многих законов деонтических категорий: «*нечто обязательно тогда и только тогда, когда не разрешено воздерживаться от этого*», «*нечто запрещено тогда и только тогда, когда оно не разрешено*», «*нечто разрешено тогда и только тогда, когда не обязательно воздерживаться от него*», «*все обязательное разрешено*» и др.

Когда же говорят о непосредственных предшественниках современных деонтико-логических исследований, то резонно различают две основные традиции: *традицию Лейбница* и *традицию Бентама*.

Традиция Лейбница

Развитие лейбницевской традиции получило решающий импульс после 1951 г. благодаря работе Г. Х. фон Вригта *Deontic logic* [29], в которой деонтическая логика проектируется по аналогии с логикой модальной, когда предполагается, что формальные отношения между «*обязательно*» и «*разрешено*» вполне соответствуют отношениям между алетическими модальностями «*необходимо*» и «*возможно*». Этот подход считается намеченным в общих чертах уже Г. В. Лейбницем в его «*Элементах натурального права*» (*Elementa juris naturalis*, 1672) [23]: «Все подчинения, перестановки и противоположения, которые были выявлены Аристотелем и его интерпретаторами, могут быть с успехом перенесены на эти наши модальности права» (цит. по: [6, 246]).

Данный основополагающий прием¹, оправданно получивший еще одно название — «*старый модализм*», привел в развитии современной деонтической логики к тому, что синтаксические и семантические планы модальной логики, преимущественно алетической, в значительной степени определяли трактовку деонтических понятий. Таким образом, так называемая «стандартная система» [Там же, 249] деонтической логики представляет собой обычную модально-логическую систему с типичными аксиомами (например, [8, 16, 18]). Но ни один из развиваемых на этой основе подходов к построению деонтико-логических систем не оказался с точки зрения интерпретации безупречным и по-настоящему жизнеспособным.

Трудности деонтической логики философского характера

«*Принцип Юма*». Многие проблемы, значимые теперь для деонтической логики, были поставлены в прошлом философами морали и права, и прежде всего вопрос о возможности логически обоснованного перехода от чисто фактических утверждений к нормативным. Внимание этиков и философов права привлекал тезис об автономии права и морали, согласно которому утверждается необоснованность возможности перехода от наблюдения моральной жизни к ее кодификации, так что все системы этики и права в равной мере не опираются на факты, именно в этом смысле они и автономны, и равноценны. В деонтической логике данный тезис об автономии известен как «*принцип Юма*»,

¹ Существует и невригтовский подход к интуиции Лейбница о взаимосвязи алетических («аристотелевских») и деонтических («юридических») модальностей (см., например, [10, 11–23]).

который гласит, что невозможно с помощью одной логики перейти от фактических утверждений к нормативным выражениям с операторами «*обязательно*», «*разрешено*» и «*запрещено*». Принцип назван именем английского философа, указавшего, что этика безусловно делает грубую ошибку, полагая, будто из описания того, что имеет место, можно вывести какие-то утверждения о долге. В «Трактате о человеческой природе» Дэвид Юм писал: «...Вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно “*есть*” или “*не есть*”, не встречается ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “*должно*” или “*не должно*”. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее в высшей степени важна» [14, 618].

Как бы то ни было, более естественны, несмотря на логико-технический эпитет «ненормальные»², системы деонтической логики, не санкционирующие взаимопереходы фактических выражений в категорической форме и нормативных выражений (хотя имеются прецеденты построения и иных систем). Таким образом, вопрос «о рождении норм» можно, казалось бы, опустить «до лучших времен», а работать с уже случившимися нормами, т. е. не выходя за рамки моральных или юридических нормативных систем, например кодексов, но и здесь остается проблема логического следования норм.

«Дилемма Йоргенсена»³. Другая «трудность философского характера, связанная с понятием “логика норм”, заключается в следующем. Предполагается, что логику интересуют такие отношения, как следование (логическое следование) или совместимость и несовместимость сущностей, которые она изучает. Что означают эти отношения, наиболее естественно объясняется с помощью истины и различных истинностно-функциональных понятий. Например, то, что одно логически следует из другого, “означает”, по-видимому (нечто вроде того), что если последнее истинно, то первое тоже должно быть истинным. Однако среди философов существует распространенное, если даже не всеми разделяемое, мнение, согласно которому нормы не имеют истинностного значения, не являются ни истинными, ни ложными. Значит, по меньшей мере сомнительно, могут ли нормы иметь “логику” — можно ли, например, говорить, что одна норма логически следует из другой нормы» [5, 290]. Но столь же очевидным кажется, что могут быть сформулированы обоснованные выводы, элементы которых являются именно нормами, а не нормативными высказываниями.

Нигилистический подход к этому вопросу подвергает сомнению возможность какого-либо решения данной проблемы или, в духе эмотивизма, вообще отрицает логический (рациональный) характер нормативного рассуждения. Редукционистский подход сводит нормативное рассуждение к версиям рассуждений с нормативными высказываниями. Вригт же, например, оптимистично и конструктивно полагает, что логика «имеет более широкие пределы, чем истина» [Там же, 291].

² То есть не опирающиеся на правило вывода, аналогичное «*правилу Геделя*» («доказанность “*p*” влечет доказанность “*необходимо, что p*”») в нормальных алетических логиках.

³ По имени датского представителя логического позитивизма Й. Йоргенсена [21].

Нарушение аналогий с модальной логикой

В системах деонтической логики, соответствующих традиции Лейбница, со времени их создания массив собственных (внутрилогических) проблем нарастал буквально лавинообразно, вот лишь некоторые из них:

- обнаружен ряд парадоксов, самыми известными из которых являются, пожалуй, парадокс Чисома [17] и парадокс Росса [26];

- прочтения деонтических операторов с «*что...*» перед дескриптивным (например, «*запрещено, чтобы дверь была открытой*») и с инфинитивом (например, «*запрещено открывать дверь*») соответственно отвечают существенно различным типам деонтической логики: первое прочтение — логике того, что *должно быть* (*Sein-Sollen*), а второе прочтение — логике того, что *должно делаться* (*Tun-Sollen*) [6, 253];

- в рамках семантики возможных миров для деонтической логики осталась проблематичной приемлемая интерпретация «*деонтической альтернативы миру*» (Я. Хинтикка);

- возникает сомнение в том, что «*воздержание*» от действия может быть адекватно представлено отрицанием соответствующих ему пропозиций (например, [5, 386–390; 28, 56]);

- очевидная для алетической модальной логики итерация операторов (например, «*необходимо, что возможно, что р*») не приводит в деонтико-модальной логике к столь же очевидно осмысленному выражению (например, «*обязательно, чтобы было разрешено, что р*»), особенно в *Tun-Sollen*-логике («*обязательно разрешать р*»), и требует более сложного интерпретационного подхода, видимо с иерархией нормативной власти и делегированием деонтических полномочий (например, [22, 29]).

Традиция Бентама

Чтобы преодолеть или вовсе избежать эти и другие недостатки и неясности «*старого модализма*» в деонтической логике, стали развивать разнообразные концепции. Возник, например, ряд «*диадических*» систем, которые предпочитают рассматривать моральные или правовые законы в форме так называемых *условных обязательств* как выражений связи *случаев с нормативными решениями*: «*в случае А, обязательно р*» (например, [19, 20]). Интересно также, что Г. Х. фон Вригт в одной из более поздних работ [30] решительно порывает со своим влиятельным, ориентированным на модальную логику подходом 1951 г. В этой новой системе фон Вригт основывается на концепции логики действия; он подчеркивает, что «*формальная логика, как мы ее знаем сегодня, по сути есть логика статичного мира. ...Для изменений нет места в этом мире. ...Действия же существенным образом связаны с изменениями*» [Там же, 15].

Пожалуй, все подобные концепции могут рассматриваться как принадлежащие традиции Бентама, который осознал возможность и необходимость построения новой ветви логики, «не затронутой Аристотелем». Вригт назвал идею Дж. Бентама «*величественной идеей Логики Повеления, или Воли*» [6, 245]. Однако пионерское для деонтической логики в целом систематическое разви-

тие этой идеи средствами математической логики принадлежит не самому Бен-таму, а австрийскому философу, одному из самых значительных представителей школы Алексиуса Мейнонга — Эрнсту Малли⁴ (1879–1944) в работе «Основоположения должного. Элементы логики воли» (*Grundgesetze des Sollens. Elemente der Logik des Willens*, 1926) [25]. Нельзя сказать, что Бен-там и Малли принципиально иначе, чем в рамках «старого модализма», понимали характер взаимосвязи основных деонтических категорий, но они не исходили из аналогии с модальной логикой. Определенность этой аналогии — в качестве базового приема — можно увидеть только в традиции Лейбница, традиция же Бен-тама не является синтаксически и семантически четко определенной альтернативой ей, а остается открытым полем естественного поиска подходов к построению систем деонтической логики.

От Эрнста Малли к Францу Brentano

Подход Малли к формированию деонтической логики еще ждет своего современного исследования, известные же «пересказы» единодушно усматривают в его «элементах логики воли» лишь довольно наивные конструкции: «Можно сказать, что его система имеет все составные “разумной” деонтической логики, но также содержит и дополнительные составные части, которые, к несчастью, делают все построение неприемлемым с формальной точки зрения» [6, 248]. В частности, кажется, что «дилемма Йоргенсена» Малли не беспокоила. Скорее всего, Малли, будучи первым разработчиком системы деонтической логики, в значительной степени находился «под очарованием» первых шагов математизации логики, хотя логическая техника тогда только начинала свой путь. И сейчас, после осознания деуниверсализации классической логики, легко понимать, что используемый им аппарат классической пропозициональной логики не соответствовал исследовательским намерениям, зависящим от содержательного богатства нормативных контекстов.

Но, даже несмотря на объяснимые логико-технические изъяны деонтического подхода Малли, интересными остаются философские основания его исследования. Малли начал знакомство с философией в университете г. Граца под руководством А. Мейнонга и оставался связанным с ним на протяжении всего своего философского творчества. Прямая принадлежность к мощной австрийской философской традиции *теории предметов* (*Gegenstandstheorie*) объясняет, почему именно с работы Малли начинает разрабатываться логика норм и повелений как «логика чего-то», что было бы нелепо, например, в рамках кантовского требования абсолютной независимости от эмпирических условий действия рассудка для *logica pura* (чистой логики) и негативного отношения к самой идее *logica specialis* (частной, прикладной логики).

---

⁴ Нельзя не упомянуть о «дурной славе» Э. Малли в связи с его откровенно выражаемым сочувствием национал-социалистической идеологии, что, без сомнения, повлияло на отсутствие активных историко-философских исследований научных изысканий Малли. Насколько идеологические акценты присутствовали в основных философских и логических работах Малли — вопрос, требующий как крайней деликатности, так и своего скорейшего разрешения.

Однако не Мейнонг, а оказавший на него решающее влияние основатель австрийской линии *теории предметов* Франц Brentano (1838–1917) поднимал вопросы формальных оснований законного и нравственного. Эти вопросы, как нам представляется, не только могут помочь реконструировать деонтико-логические намерения Малли как «философского наследника» Brentano, они остаются актуальными и для преодоления трудностей столь разветвленной в своем многообразии современной деонтической логики и близких к ней, ориентированных на построение формализмов прагматических и аксиологических теорий.

Несмотря на то, что «обычно анализ наследия учителя — основателя философской школы — способен до некоторой степени прояснить темные места и интенции его последователей» [4, 24], мы далеки от того, чтобы непременно считать рассуждения Brentano в его работе «О происхождении нравственного познания» [15], выполненной по докладу «О естественной санкции законного и нравственного» (представлен Венскому юридическому обществу в 1889 г.), «нитью Ариадны» для проблем деонтической логики. Но близки в своей позиции к тому, как возразил В. Л. Васюков⁵ в небольшой статье [3] давним сетованиям Яна Лукасевича по поводу «великих логических систем» известных философов, что, мол, «их основные понятия туманны, главнейшие утверждения непонятны, рассуждения и доказательства нестроги; логические же теории, лежащие в глубине этих систем, почти все ложны. Философию необходимо перестроить, начиная с оснований, вдохнуть в нее научный метод и подкрепить ее новой логикой» [11, 187]. В реплике Лукасевича нетрудно видеть все то же «очарование» успехами развивающейся в начале прошлого века математической логики. Однако именно математизация логики в течение XX в. привела к деуниверсализации классической логики, к логическому плюрализму, и теперь «логические теории, лежащие в основании философских систем, оказались с точки зрения новейшей логики строгими и истинными, но это уже неклассическая строгость и истина. ...Исследование онтологических обязательств подобных логических языков, по-видимому, способно дать новые ответы на многие старинные философские вопросы» [3, 56].

Что касается непосредственно Brentano и его *дескриптивной психологии*⁶, философской дисциплины, «которая должна, с одной стороны, дать точное знание структур и категорий ментальной жизни, а с другой стороны, обеспечить эпистемологически достоверные основания других разделов философии» [27] (цит. по: [4, 25]), то мы предлагаем, в соответствии с мнением Б. Смита, что *дескриптивная психология* «является, в сущности, онтологией сознания — онтологией ментальных структур» [4, 25], брентановскую философскую систему рассматривать в качестве эффективной теоретической интуиции для построения онтологически обоснованных семантик современных формальных языков.

⁵ Реконструкция идей основных представителей «исторического дерева брентанистов» средствами феноменологически ориентированных формальных языков («формальной феноменологии») предпринята В. Л. Васюковым в [4].

⁶ Существенно реже, но все же употребляется и название «*аналитическая психология*».

Естественная санкция должного

Доклад Brentano начинается с выяснения того, что «слово “естественный” может выступать в двух различных значениях:

1) оно может означать то же, что и “данный от природы”, “врожденный”, в отличие от того, что приобретает только с опытом или путем заимствования в ходе исторического развития;

2) в отличие от установленного произвольно, положительным волеизъявлением, оно может означать правило, которое само по себе и по своей природе может быть признано правильным и обязательным» [2, 37].

Brentano отвергает естественное право в первом значении (т. е. «естество» биологическое, политическое, социально-культурное и пр.), но принимает во втором значении. Здесь он возражает Рудольфу Ирингу, который «оспаривает правомерность всякой “психологической”, как он ее называет, трактовки этики, которая представляет этику “сестрой-близнецом логики”» [Там же, 83]. Brentano напротив, ищет поддержки в аналогии, параллелизме этики и логики⁷: «...существуют требования... в том значении, в каком говорится о требованиях, предъявляемых логикой к нашим суждениям и умозаключениям. Ни о воле логики (которая явно не имеет никакой воли), ни о воле логиков (ибо мы отнюдь не клялись им в верности) не может при этом идти речи. Требования логики — это, разумеется, действующие правила суждения, т. е. с ними необходимо иметь дело постольку, поскольку суждения, отвечающие этим правилам, оказываются достоверными, а отклоняющиеся от этих правил — чреватые ошибкой; следовательно, речь идет о естественном преимуществе упорядоченного мышления перед неупорядоченным. Таково естественное преимущество и основанное на нем правило, и вовсе не приказание чужой воли надо иметь в виду и в случае с нравственным. Вот на чем так энергично настаивал Кант, да и большинство великих мыслителей до него; но, несмотря на это, это положение недопонимается или недооценивается все еще очень многими — и, к сожалению, в том числе приверженцами той самой эмпирической школы, к которой принадлежу и я» [Там же, 43–44].

К слову, категорический императив Канта Brentano считает фикцией [Там же, 46], и это становится понятным по причине того, что он вообще критикует возможность рациональной санкции этики и права, он, напротив, стремится выразить идею естественности формальных оснований должного: не *на основе формальной логики*, а на формальных основаниях, *таких же, как у логики*⁸. Так что имеет смысл взглянуть на формализм, предложенный Малли в качестве «логики воли», в качестве «основоположений должного», не как на надстраиваемую деонтическими структурами пропозициональную логику, а как на самостоятельную деонтико-семиотическую систему, логикой именуемую отнюдь не в буквальном смысле.

⁷ Сам по себе параллелизм логики и этики не является чем-то очень редким, его можно найти и у стоиков, и в рассуждениях Я. Хинтикки о логической культуре [13, 105–106].

⁸ Такой взгляд, при всех не только технических, но и концептуальных отличиях, близок исследованиям В. О. Лобовикова (см., например, [9]) по построению формальной этики на основе алгебры поступков.

Онтология оценок

Брентано определяет три способа, которыми субъект может осознавать *предмет внутреннего восприятия* в своих ментальных актах [2, 49–50]:

— *представления*, которые при переходе от дескриптивной психологии к исследованию непсихологических коррелятов соответствующих интенциональных актов формируют *онтологию вещей*;

— *суждения*, которые при переходе к онтологическим коррелятам актов суждения формируют *онтологию состояний дел* (Sachverhalten); и ближе всего к соответствующим положениям учения Брентано, по-видимому, оказалась «Онтология» Станислава Лесневского⁹;

— *эмоции* (Gemuetsbewegungen), которые при переходе от психологии чувств, интересов (оптативов) и воли к их онтологическим коррелятам формируют *онтологию оценок*; и мы согласимся с тем, что, «по-видимому, гораздо больший вклад в онтологию оценок сделали его ученики, которые использовали психологический анализ Брентано в качестве основы для своих исследований» [4, 29].

Параллелизм логики и этики Брентано обосновывает тем, «что между двумя последними существует определенная аналогия. Мы имеем два противоположных интенциональных отношения: в суждении — признание или непризнание, в сфере эмоций — любовь или ненависть, симпатию или антипатию» [2, 51]. Но Брентано указывает и на существенное отличие суждений и эмоций: если для первых (в классической логике) определена бинарная оценка «истинно — ложно», то для вторых характерен «феномен предпочтения» [Там же, 59], диктующий свои онтологически характеризующие условия возможным формальным построениям.

Наиболее близок в этом смысле идеям Брентано оказался еще один его «философский наследник», так сказать «ученик ученика», а именно воспитанник и коллега Казимежа Твардовского (1866–1938), один из последних представителей львовско-варшавской логико-философской школы Тадеуш Чежовский (1889–1981), в работах «О формальном понятии ценности» (1919), «Как строить логику блага?» (1960, в двух частях)¹⁰ строящий свои формализмы непосредственно в духе изложенных выше идей брентановской *онтологии оценок*.

* * *

Как же могут быть использованы философские интуиции Брентано в современных деонтико-логических исследованиях? Нам видятся следующие возможности.

Прежде всего, не лишена перспектив и наиболее привычная, т. е. логическая, формализация брентановской *онтологии оценок* как построение *чистой аксиологической теории*, где будут ждать своего решения и телеологические по

⁹ О системах С. Лесневского — «Прототетике», «Онтологии» и «Мереологии» — см. в [4, 29–54].

¹⁰ См. эти и другие работы Т. Чежовского в [12, 361–405].

своей сути вопросы о «должном»¹¹. При этом неизбежно станет решающей проблема выбора в качестве основы построения теории наиболее адекватных логических средств.

Альтернативой, причем остающейся довольно «экзотической» для тех, кто не усматривает здесь концептуальных отличий от стандартного логического подхода, является разработка автономной (не логической) *формальной аксиологии* (или *формальной этики*), соответствующей брентановской *онтологии оценок*. Но именно Brentano, что было показано выше, и обосновывал как некоторый параллелизм, так и автономность логики и этики. Следствием этого является иммунитет к рассмотренным в начале статьи философским трудностям деонтической логики, а именно имплицитное соблюдение «*принципа Юма*» и радикальное решение «*дилеммы Йоргенсена*», так как в языке *формальной аксиологии* отсутствуют соответственно фактические высказывания и истинностные оценки.

Объединяющим в определенном смысле должен стать подход, в котором каждая из указанных альтернатив находит свое приложение. Речь идет о разработке *деонтико-логических теорий*, формальные языки которых реализуют онтологические обязательства посредством содержащейся в их семантике *формальной онтологии оценок*, построенной в брентановском духе.

-
1. Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1975–1984.
  2. Brentano Ф. О происхождении нравственного познания. СПб., 2000.
  3. Васюков В. Л. Философия и логика // Логико-философские исследования. Вып. 4. М., 2010. С. 55–56.
  4. Васюков В. Л. Формальная феноменология. М., 1999.
  5. Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина, логика // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования : избр. тр. М., 1986. С. 290–410.
  6. Вригт Г. Х. фон. О логике норм и действий // Там же. С. 245–289.
  7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
  8. Ивин А. А. Логика норм. М., 1973.
  9. Лобовиков В. О. «Искусственный интеллект», формальная этика и морально-правовой выбор. Свердловск, 1988.
  10. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург, 2007.
  11. Лукасевич Я. О детерминизме // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 179–198.
  12. Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999.
  13. Хинтиikka Я. Действительно ли логика — ключ ко всякому хорошему рассуждению? // Вопр. философии. 2000. № 11. С. 105–125.

---

¹¹ Ф. Brentano на этот счет замечает: «К чему я должен стремиться? Какая цель правильная, а какая — нет?» — и будет... как подчеркивает уже Аристотель, первейшим и главнейшим вопросом этики» [2, 47]. И далее в примечаниях: «Сравнив вышесказанное с первой главой “Никомаховой этики”, мы обнаружим, что “основная мысль” работы Иринга “Цель в праве” ... а именно, “что нет ни одной нравственной нормы, которая бы не была обязана своим происхождением какой-нибудь цели” стара, как сама этика» [Там же, 86].

14. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам : соч. М., 1966. Т. 1.
15. Brentano F. Vom Ursprung der sittlichen Erkenntnis. Leipzig, 1922.
16. Chellas B. F. Modal Logik. Cambridge ; N. Y. ; Melbourne, 1980.
17. Chisholm R. M. Contrary-to-duty Imperatives and Deontic Logic // Analysis. 1963. № 24. P. 33–36.
18. Føllesdal D., Hilpinen R. Deontic Logic: An Introduction // Deontic Logic. Dordrecht ; Boston ; L., 1971. P. 1–35.
19. Frassen B. C. van. The Logic of Conditional Obligation // J. of Philosophical Logic. 1972. № 1. P. 417–438.
20. Hansson B. An Analysis of Some Deontic Logics // Deontic Logic. Dordrecht; Boston; L., 1971. P. 121–147.
21. Jorgensen J. Imperatives and Logic // Erkenntnis. 1937–1938. № 7.
22. Kutschera F. von. Einführung in die Logik der Normen, Werte und Entscheidungen. Freiburg i. B. ; München, 1973.
23. Leibniz G. W. Elementa juris naturalis // Leibniz G. W. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). B., 1971.
24. Leibniz G. W. Specimen difficultatis in jure seu dissertatio de casibus perplexis // Th. Hobbes. A dialogue between a philosopher and a student for the common laws of England; Leibniz G. W. Specimen difficultatis in jure seu dissertatio de casibus perplexis. Doctrina conditorum. De legum interpretatione. Milano, 1960. P. 267–302.
25. Mally E. Grundgesetze des Sollens. Elemente der Logik des Willens. Graz, 1926. (Переиздание см.: Mally E. Logische Schriften. Großes logikfragment – Grundgesetze des Sollens. Dordrecht, 1971. P. 227–324.)
26. Ros A. Imperatives and Logic // Theoria. 1941. № 7. P. 53–71.
27. Smith B. The Primacy of Place: An Investigation in Brentanian Ontology // Topoi. 1989. № 8. P. 43–51.
28. Wright G. H. von. An Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action // Acta Philosophica Fennica. Amsterdam. 1968. № 21.
29. Wright G. H. von. Deontic Logic // Mind. 1951. № 60. P. 1–15. (Перевод см.: Wright G. H. von. Handlung, Norm und Intention. B. ; N. Y., 1977.)
30. Wright G. H. von. Norm and Action, A Logical Enquiry. L., 1963. (Перевод см.: Wright G. H. von. Norm und Handlung, Eine logische Untersuchung. Königstein/Ts., 1979.)

Рукопись поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.